

Интеллектуализация перифраз известных лиц – характерная черта современной публицистики, придающая медийным текстам особую злободневность, способность ярко отражать актуальные события и явления. Интеллектуализованные перифразы известных лиц представляют собой одно из эффективных средств выражения в тексте тенденций общественного сознания и представления в нём хода исторического процесса.

Литература

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 312, 321.
2. Дмитриев В.О. О псевдонимах и их классификации // Филологические науки. 1975. № 5.
3. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики. М.: Изд-во МГУ, 1971. 267 с.
4. Кочеткова Т.В. Перифразы известных лиц в практике масс-медиа // «Античный мир и мы». Материалы докладов и сообщений. Саратов 21-23 апреля 2003 / под ред. проф. П.В. Глыбочко. Саратов, Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 10. С. 120-146.
5. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2007. (Библиотека словарей). С. 583.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 371.
7. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М.: Русский язык, 2004. 352 с.
8. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. Изд. 2, испр. и доп. М.: Просвещение, 1976. С. 271, 283-284.
9. Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2, перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. Ред.: Т.А. Ганиева, В.В. Иванов, Р.Ф. Касаткина и др. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 334.

О.Ю. Лысова

*Самарская гуманитарная академия.
Филиал в г. Тольятти*

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТОМ-ЧИСЛИТЕЛЬНЫМ 'СЕМЬ' В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Фразеологию считают наиболее оригинальной и колоритной в лингвистическом и культурном аспекте частью языка, отражающей его специфику и самобытность. В данной статье предметом рассмотрения будут культурно обусловленные фразеологические единицы, то есть обороты, которые непосредственно соотносятся с элементами материальной или духовной культуры данного общества, его историей, верованиями, обычаями, бытом и нравами, природно-географическими реалиями (В.Н. Телия,

В.М. Мокиенко, В.И. Зимин, Н.М. Шанский, Р.Н. Попов, В.Г. Гак, Д.О. Добровольский, М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.М. Мелерович, Н.И. Толстой, Т.З. Черданцева и мн. др.). Работа посвящена лингвокультурологическому анализу русских фразеологических единиц с числовым компонентом в их составе, исследованию лингвокультурной специфики семантики и символики числа в русской фразеологической картине мира.

В современных историко-этимологических и толково-культурологических фразеологических словарях методом сплошной выборки нами были отобраны 220 фразеологических единиц (ФЕ) с компонентами-числительными, имеющими соответствующий комментарий. Анализу были подвергнуты устойчивые обороты, содержащие количественные, порядковые и собирательные числительные типа: *два, двое, второй* и под. В результате подсчётов было выявлено, что одни числительные употребляются в составе фразеологических единиц достаточно часто, другие же – отмечены лишь в единичных оборотах. Так, наиболее частотными являются слова *один* (зафиксировано нами в 61 ФЕ): *один как перст, один в поле не воин, один конец, один шаг, одним махом* и мн. др.; *два* (представлено в 26 оборотах): *от горшка два вершка, в два счёта, как две капли воды, два сапога пара* и пр.

С другой стороны – 19 слов-числительных из 41 нашей картотеки (что составляет примерно 46 %) представлены в единичных идиомах. Среди них: *шестая держава, отправлять/отправить на тринадцатую версту, двадцать два несчастья, сто тысяч почему* и пр.

Предметом анализа в данной статье являются ФЕ с компонентом *семь*. Обращение именно к этому числительному обусловлено его особой символической семантикой и своеобразным, многозначным культурологическим наполнением.

Вначале отметим, что собственно числовая семантика указанного слова присутствует лишь в небольшом количестве русских идиом. Среди них такие выражения, как *семь чудес света, семь смертных грехов, семь коров тучных* и др. В большинстве же случаев этот именной компонент, помимо прямого значения числа, измерения количества чего-л., несет особые, функционально значимые для культуры смыслы, придающие ему (имени) роль знака «языка» культуры. Так, известно, что в мифологии многих народов слово *семь* является мистическим, высоким числом, приносящим счастье и удачу. «Культ этого числа связан с одной из древнейших цивилизаций прошлого – ассиро-вавилонской. Жрецы Вавилона поклонялись семи богам, связывая их количество с известными небесными телами – Солнцем, Луной, Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером, Сатурном. Позднее это число стало связываться и с научными открытиями: семь звуков гаммы, семь цветов спектра» [1: 563]. «Магическое число *семь* (по мысли Д. Миллера) характеризует общую идею Вселенной, константу в описании мирового дерева, полный состав пантеона, число сказочных

братьев («Семь Симеонов»), число дней недели... и т. п. *Семь* складывается из числа *три* (совершенного числа, образа динамической целостности, основной константы социальной организации; ср., напр., три сферы Вселенной, Божественную Троицу, трёх героев сказки и т. д.) и числа *четыре* (образа статической целостности, идеально устойчивой структуры; ср. четыре стороны света, четыре времени года и т. д.) и отсылает к собственно космологической теме, позволяя реконструировать фрагменты «космологического» текста применительно к праславянскому горизонту» [2: 206].

В целом образы фразеологизмов, имеющих в своём составе слово *семь*, соотносятся с особым метрически-числовым кодом культуры, «т. е. с совокупностью имён, обозначающих числа, производимые с их помощью операции и измерения, специфические для них качественные, временные характеристики, которые выступают как источник осмысления человеком мира...» [2: 205].

Так, идиома *за семью печатями*, имеющая значение «недоступное пониманию, разумению», восходит к библейскому обороту «книга за семью печатями» из пророческой новозаветной книги Откровения св. Иоанна Богослова. «Находясь в состоянии тайнозрения, Иоанн увидел Господа Иисуса Христа, который повелел ему описать для семи малоазиатских церквей представляющиеся видения и открыл судьбу христианской церкви в различных символических образах. Одним из таких образов является книга за семью печатями, выступающая как символ тайного познания, недоступного непосвящённым, пока с неё не сняты печати» [2: 206].

Следует указать, что употребление числа *семь* здесь не случайно. «Большую роль играет семиричный ряд в Библии. В «Книге за семью печатями» встречаются *семь* общин, *семь* рогов чудовищного дракона, *семь* чаш гнева. Разрушением как результатом гнева Божьего отмечена «Сцена семи» из Ветхого завета: *семь* священников (жрецов) с *семью* юбилейными рогами (трубами) вострубили под стенами Иерихона, когда на *седьмой* день осады израильтяне обошли «*семь* раз вокруг города» и от их воинственных криков рухнули его стены (Нав. 6: 3, 4). В Евангелии от Луки упоминается Мария Магдалина, «из которой вышли *семь* бесов» (Лк. 8: 2). Ср. также *семь* даров Святого Духа в образе голубей, *семь* добродетелей, *семь* таинств, *семь* наук и искусств, *семь* смертных грехов, *семь* просьб в «Отче наш»». [2: 206].

В образе другого фразеологизма – *(быть) на седьмом небе* (т.е. чувствовать себя совершенно счастливым, быть в состоянии блаженства) – нашло своё отражение древнейшее универсальное представление об устройстве мира, членении пространства, в частности о многоуровневом строении неба и противопоставлении его грешной земле. По определению В.И. Даля, небо – это «выспреннее пространство, где, по нашим понятиям, пребывают вообще души умерших, тот свет, духовный мир; также в осо-

бенности, где души праведных окружают Господа и ангельские сонмища Его; рай, небесное царство» [3: 502].

Данный оборот также «восходит к библии, где встречаются различные названия неба и *седьмое небо* является обиталищем ангелов, раем» [1: 465]. Вместе с тем нельзя не отметить, что упоминание о семи небесах есть и в Коране, и в Талмуде; известны подобные представления и «у восточных славян: напр., украинские крестьяне семицветную радугу представляли как семисферного небесного свода» [1: 466].

В большинстве русских ФЕ с числительным *семь* данный компонент имеет обобщённо-количественное значение, выступает эталоном крайнего предела, подчёркивает степень действия, качества или признака, интенсивность их проявления. При этом выражение обобщённого понятия множества сообщает устойчивым оборотам дополнительную экспрессию. См., например: *семи пядей во лбу*, (работать) *до седьмого пота*, *за семь вёрст киселя хлебать*, *седьмая вода на киселе*, *от седьмой курицы двоюродный цыплёнок* и др. Ср. также пословицы: *Семь раз отмерь, один раз отрежь*; *Семь бед – один ответ*; *У семи няnek дитя без глазу*; *У семи пастухов не стадо* и др.

Так, например, во фразеологизме *драть/содрать шкуру* <*три шкуры, семь шкур*> (имеющем значение «беспощадно, жестоко эксплуатировать, обирать») представлен явно гиперболизированный образ: ведь в действительности после охоты с убитого зверя можно было *содрать, спустить, снять* только *одну* шкуру, а не три, и уж тем более не семь. Сам фразеологизм, соотносящийся по внутренней форме с ремесленным и обиходно-бытовым кодами культуры, «выступает в роли стереотипа крайне безжалостного обирательства, материального притеснения кого-л.» [2: 194]. А компонент *семь* символически связывается в образе фразеологизма с идеей количественной множественности предметов, интенсификации какого-л. признака.

В заключение укажем, что представленные выше материалы демонстрируют высокий культурологический потенциал числового компонента *семь* и служат доказательством единства и взаимосвязи языка и культуры в национально-специфическом отражении картины мира.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1989. Т. 2. С. 502.

4. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю.Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

М.Л. Хожлина

Астраханский государственный университет

ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ ФРАЗЕМ
С ИНОКУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Выделение в особую группу фразем с инокультурным компонентом основано на наличии базовой для многих культур архетипической оппозиции «свой» vs. «чужой». Среди фразем, содержащих культурную информацию, нами выделяются (1) фраземы с этнокультурным компонентом, т.е. национально-специфичные, функционирующие в «своем» лингвокультурном пространстве, (2) фраземы с интеркультурным компонентом, т.е. единицы интернациональной фразеологии, принадлежащие к общеэтимологическому фонду ряда языков, а также (3) фраземы с инокультурным компонентом, т.е. определенным образом связанные с «чужой» культурой.

Разграничим понятия «заимствованная фразема» и «фразема инокультурного характера». Вслед за рядом исследователей (Э.М.Солодухо 1977, Д.Ю. Алтайбаева 1983, Н.М.Шанский 1996, Т.М.Шихова 2005 и др.) под заимствованной фраземой мы понимаем единицу, основным квалификационным критерием определения которой является язык-источник и пути ее проникновения в русский язык. Фраземы с инокультурным компонентом выделяются нами на основе способа и характера отражения в них инокультурной семантики, которая формируется (а) как результат видения и понимания носителями русского языка «иных» культур и этносов сквозь призму единиц фразеологического фонда, а также (б) как результат процесса проекции значимых для «иных» культур компонентов на формально-семантическую структуру фразем русского языка.

Тот факт, что фразема появилась в русском языке в результате процесса заимствования, является, на наш взгляд, существенным показателем инокультурного характера единицы. Однако нельзя однозначно утверждать как то, что любая заимствованная фразема есть фразема с инокультурным компонентом, так и то, что необходимым условием формирования инокультурной семантики является иностранный язык, с которым этимологически связана фразема.

Например, общеизвестно, что фразема *не в своей тарелке* – ‘плохо настроен, плохо себя чувствует’ представляет собой кальку с французского (*nêtre pas*) dans son assiette (ordinaire), где выражение первоначально применялось к состоянию корабля, которому нельзя было свободно двигаться вследствие низкого уровня воды, а затем получило переносное значение [Михельсон 1903: 643]. В русский литературный язык, по данным В.В. Виноградова, фразема проникла из жаргона европеизирующихся «щеголей» и